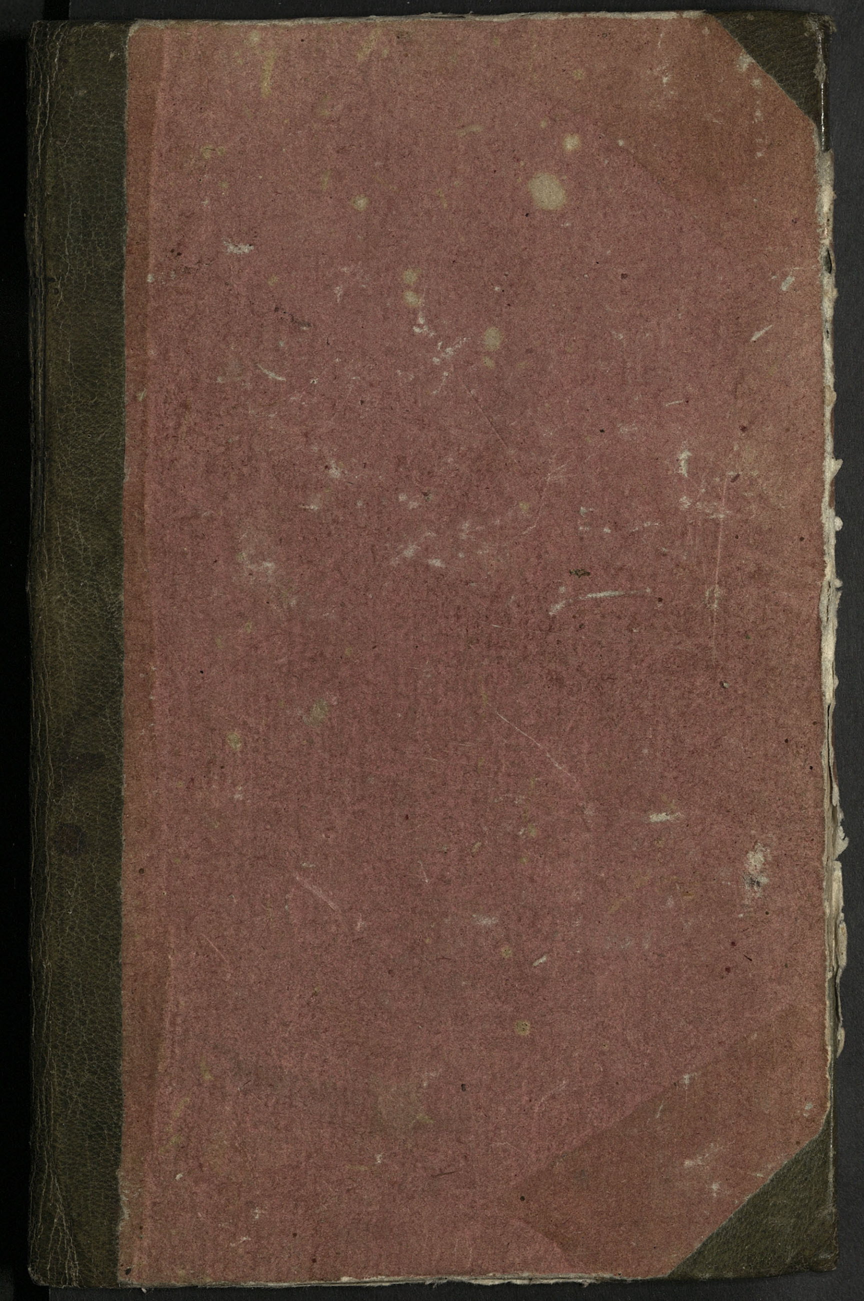

Казотт, Жак

1-й эк

ВЛЮБЛЕННЫЙ ДУХЪ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

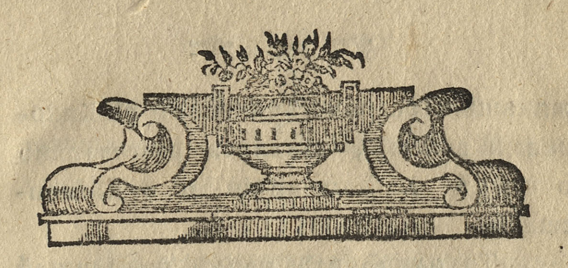
ДОНА АЛЬВАРА.

МОСКВА.
ВЪ типографіи А. Рѣшетникова.
1794.

ПЕЧАТАНО

Съ Указнаго дозволенія.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ДУХЪ,

или

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

ДОНА АЛЬВАРА.

На дватцать пятомъ году моего возраста я былъ Гвардіи Капитаномъ, Короля Неополитанскаго службы, и жилъ среди множества пріятелей и друзей, съ коими наслаждался прелестьми нѣжнаго женскаго пола и различными забавами, могущими произойти отъ изобильнаго кошелька, но философствовали мы тогда, когда оскудѣвалъ оной. Въ одинъ вечеръ составили мы бесѣду дружества, и опоро-

жнивши нѣсколько бутылокъ съ Кипрскимъ виномъ, занялись разговоромъ о наукѣ Кабалистики и о Кабалистахъ.

То одинъ изъ моихъ товарищей говорилъ, что сія наука есть въ самомъ дѣлѣ, и имѣетъ свои точныя дѣйствія; но четыре человѣка, гораздо его моложе, сему его мнѣнію противились, называя оную науку собраніемъ гнусностей и источникомъ обмановъ, служащихъ къ умноженію суевѣрій непросвѣщенныхъ людей и дѣтскою забавою. Во время сего спора, старой и почтенной Нидерландецъ съ важнымъ и задумчивымъ видомъ курилъ трубку, и не говорилъ ничего во все время ихъ словопренія. Холодность его при семъ изъявляемая и задумчивость принуждали и меня взирать равнодушно на окружающее насъ разномысліе, и служили мнѣ немалымъ препятствіемъ, быть согласну съ тою или съ другою стороною.

При наступленіи ночи спорющіе разошлись, а я съ старымъ Нидерландцемъ остался.

Онъ не переставалъ курить трубку, а я, облокотившись на столъ, пребывалъ въ безмолвіи, послѣ чего сей старой Нидерландецъ прервалъ свое молчаніе слѣдующими словами.

Для чегожъ и ты юный человѣкъ, внимая великому шуму, происходящему отъ словопрѣнія, не хотѣлъ быть участникомъ? На что я ему отвѣтствовалъ: лучше я желаю молчать, нажели хулить то, чего я не знаю, ибо я и сего не знаю, что значитъ сіе слово Кабалистика.

Она имѣетъ многія означенія, говорилъ почтенный старецъ, но дѣйствіе произходитъ не отъ сей науки, но отъ вещи. Ты можешь мнѣ въ семъ повѣрить, что находится наука, обучающая перемѣнять виды ме-

таллов, и порабощать под власть нашу духи.

Тут сказал я, что я никаких знаній и сужденій не имѣю о духах, не выключая и о своей душѣ.

Что же касается до металлов, то я об оных не безъизвѣстен, и вѣдаю силу монеты, употребляемой в играх, публичных домах и в прочих мѣстах; но я ничего не могу о их сущности ни подтверждать, ни отрицать, да и самыя их свойства мнѣ не извѣстны. Юный мой сотоварищь, продолжал он, я весьма доволен твоим невѣденіем, оно послужит тебѣ впредь наставленіем, что по крайней мѣрѣ ты не объят пороком, и хотя не право научен, но достоин наслаждаться жизнію: природа твоя, вольность, тобою наблюдаемая, и простота твоего разума мнѣ любезны. Извѣстно мнѣ нѣчто сокрытое от общаго знанія людей, почему, естьли ты мнѣ дашь пору-

кою свою честность въ томъ, что будешь сохранять все, что я тебѣ ни открою, то будешь въ ономъ имѣть участїе. Тайна, которую вы мнѣ обѣщаетесь открыть, любезнѣйшїй Соберано, такъ назывался старый Нидерландецъ, мнѣ весьма прїятна; ибо любопытство есть сильнѣе всѣхъ моихъ страстей, и признаюсь вамъ, что я не великую имѣю охоту къ знанїямъ всеобщимъ, ибо они мнѣ кажутся не весьма любопытными, и я узналъ, что сей на воздухѣ висящей шаръ невѣденїя вы мнѣ желаете изъяснить, и большую охоту во мнѣ тѣмъ возбуждаете; но скажите прежде мнѣ, какой во первыхъ есть ключь познанїя? Наши сотоварищи, словопрѣнїе имѣя, говорили, что сїи суть духи насъ научающїе, но возможно ли съ ними имѣть какое либо сообщенїе? Я уже сказалъ, что слово Кабалистика само по себѣ ничего не значитъ; что же касается до нашего съ ними со-

юза, то для сего я вамъ хочу ясный опытъ предложить. При сихъ словахъ выкурилъ онъ свою трубку, и ударилъ три раза по столу, дабы вычистить находящуюся во оной золу, которую положилъ онъ на столѣ не въ далекомъ отъ себя растоянiи, и возвысивъ голосъ, сказалъ: Халдеронъ, поди, и наложи трубку табаку, разкуря ее, и принеси ко мнѣ.

Едва онъ окончилъ сей приказъ, какъ трубка изчезла, и прежде, нежели я могъ помыслить о семъ странномъ приключенiи испросить у него о семъ имъ сказанномъ Халдеронѣ, трубка была возвращена, и мой товарищь принялся опять за свое упражненiе.

Онъ не столько для удовольствiя своего продолжалъ курить трубку, сколько для того, чтобъ удивить симъ меня. Послѣ сего вставши мнѣ сказалъ: я беру на себя твой караулъ, а ты ступай, и отдыхай,

будь благоразуменъ, и не опасайся ничего, а послѣ мы увидимся.

И такъ я пошелъ, имѣя наполненную голову новыхъ и странныхъ воображенiй, кои я уповалъ увѣдать отъ Соберана. Увидѣвъ же его на другой день, несказанное желанiе имѣлъ, дабы узнать отъ него сiю тайну.

Я предлагалъ ему тысячу вопросовъ, изъ коихъ иные онъ опровергалъ, а на другiе отвѣтствовалъ подобно Оракулу. Потомъ спросилъ я у него: въ какомъ онъ находится законѣ? На что онъ отвѣчалъ, что онъ послѣдуетъ закону естественному. Мы уже взошли въ нѣкоторую подробность, и отстали было отъ первыхъ моихъ предложенiй, что я, примѣтя, съ крайнимъ старанiемъ, и безъ огорченiя его привелъ разговоръ свой къ главной моей цѣли.

Вы имѣете власть надъ духами, говорилъ я ему: сего ради и

чрезмѣрно желаю видѣть ваше съ ними обхожденіе.

Ты весьма молодъ, любезной товарищь, сказалъ онъ мнѣ: и не много еще видѣлъ опытовъ, не знаешь никакихъ условій, помощію которыхъ бы можно приступить къ толь знатному, и высокаго порядка вещей разстоянію, да много ли требуется къ сему времени? .. Не болѣе можетъ быть двухъ лѣтъ.... Ахъ! вскричалъ я съ трепетомъ и огорченіемъ, мнѣ должно будетъ отъ нетерпѣливости въ толь долгое время жизнь прекратить. Вы не ощущаете того чрезвычайнаго желанія, которое вы въ меня вселили: оно меня весьма мучитъ.

Молодой человѣкъ, я чаялъ въ тебѣ найти болѣе разума и терпѣливости; ты по своей неосторожности подвергнешь и меня купно съ собою несчастію. Ахъ! ты намѣренъ призывать духовъ безъ всякаго къ сему пріуготовленія ... Увы! что

можетъ мнѣ отъ сего произойти!... Я не спорю, что тебѣ они никакого не причинятъ зла; поелику они не имѣютъ надъ нами власти, развѣ токмо въ то время, когда наше малодушіе или боязнь подадутъ къ тому имъ поводъ; да и по справедливости мы родились оными повелѣвать. . . . Ахъ! я оными безъ сомнѣнія повелѣвать буду. . . . Такъ, прервалъ онъ рѣчь мою, ты имѣешь теперь бодрость и безстрашіе, но что станешь дѣлать, когда при самомъ дѣлѣ отъ неограниченной робости разсудка лишишся? . . . А естьли они надъ нами никакой власти не имѣютъ, то сколько для меня будетъ поносно, когда я ихъ ужаснусь. . . . Но какъ тебѣ не ужасаться увидѣвши духа. . . . Я бы взялъ за уши самаго начальника Ада. Изрядно, естьли ты столько на себя надѣешся, и отваживаешся на таковую опасность, въ чемъ я тебя безъ помощи не оставлю, то въ слѣ-

дующую же пятницу я тебя позову къ обѣду, пригласивъ къ сему и двухъ моихъ товарищей, послѣ котораго мы совершимъ наше предпріятіе.

Сей разговоръ мы имѣли въ среду. Любовникъ никогда не оказываетъ толь великаго малодушія и нетерпѣнія, не видя своей любовницы, какъ я въ то время дожидаяся пятницы, но наконецъ наступилъ назначенной день, и я нашелъ у моего товарища двухъ человѣкъ, коихъ черты лица мало добраго показывали. Съ сими я обѣдалъ, и во время стола о разныхъ вещахъ разговаривали.

Послѣ обѣда согласились мы итти прогуливаться къ развалинамъ увеселительнаго дворца Короля Неаполитанскаго, къ которому, шедши занявшись разговоромъ, нечувствительно приближились. Сіи остатки великолѣпнаго разрушеннаго и въ прахъ обращеннаго зданія вселяли въ

меня чрезвычайныя размышленія. Се могущество времени, говорилъ я, се подвиги кичливости, суеты и тщеславія смертныхъ. По развалинамъ сего зданія мы проходили нѣсколько времени, и напослѣдокъ дошли до такого мѣста, гдѣ и лучи солнечныя не могли проницать.

По сему мрачному мѣсту провождалъ насъ товарищь мой, который напослѣдокъ остановился, что и я по примѣру его не преминулъ учинить. Тогда одинъ человѣкъ изъ нашей бесѣды, высѣкши огня, зажегъ восковую свѣчу, по зажженіи которой я увидѣлъ, что мы находимся подъ квадратнымъ сводомъ, простирающимся на 25 футовъ и имѣющемъ четыре выхода: въ семъ мѣстѣ соблюдали мы глубочайшее молчаніе. Соберано очертилъ около себя кругъ на пескѣ, коимъ сіе мѣсто было покрыто, тою самою тростію, которою онъ во время своего

пути подпирался. На сей окружности изобразилъ онъ нѣкоторыя слова, послѣ чего, изъ онаго выступивъ, войди въ сей кругъ безбоязненной смертный, сказалъ онъ мнѣ, и не дерзай изъ онаго выступить.

Раскажите мнѣ яснѣе, говорилъ я ему, при какихъ знакахъ изъ онаго можно выттти?... Естьли тебѣ все будетъ покорствовать, отвѣчалъ онъ: а ежели ты прежде сего, испугавшись, выступишь изъ онаго, то ввергнешь себя въ наивеличайшее бѣдствіе.

Послѣ чего изъяснилъ онъ мнѣ краткій способъ, состоящій изъ нѣкоторыхъ словъ, кои въ моей памяти вѣчно пребудутъ начертаны. Повтори, говорилъ онъ мнѣ съ твердостію духа, сіе восклицаніе, и произнеси ясно трижды *Вельзеулъ*, а притомъ и не позабудь сдѣлать обѣщаннаго тобою.

При сихъ его словахъ я вспомнилъ, что я обѣщался взять за у-

ши чорта, и для того подтвердилъ ему сїе, да и конечно не останусь во лжи. И онъ мнѣ сказалъ: мы сего крайне желаемъ, и послѣ, что съ тобою произойдетъ, ты насъ увѣдомь. Ты находишся подлѣ дверей, въ которыя вышедши, насъ можешь сыскать не въ дальнемъ отъ сего мѣста разстоянїи. Произнесши сїи слова, они отъ меня пошли.

Я никогда не ожидалъ толикаго въ себѣ страха, какой я тогда почувствовалъ, и уже было вознамѣрился ихъ позвать обратно, но стыдъ мнѣ въ семъ воспрепятствовалъ; и такъ я долженъ былъ совсѣмъ отчаянїю предаться, почему, утвердившись на мѣстѣ очерченномъ, началъ нѣсколько разсуждать. Они меня хотѣли въ робость привесть, говорилъ я самъ себѣ, и испытать мое малодушїе Испытывающїе меня люди не въ отдаленномъ отъ меня находятся разстоянїи; да при томъ

же они, услыша мой голосъ, немедленно ко мнѣ прибѣгутъ, и они съ своей стороны неотмѣнно употребятъ какой нибудь способъ для приведенія меня во ужасъ Пребуду въ безопасности, и тѣмъ сохраню и исполню мое обѣщаніе.

Сіе размышленіе мое скоро прервано было пѣніемъ нощныхъ птицъ, обитающихъ около того мѣста, гдѣ я находился, и я онымъ довольно былъ ободренъ, и успокоившись, яснымъ и громкимъ голосомъ не въ продолжительномъ времени прокричалъ трижды: *Вельзеулъ*.

По изреченіи сихъ словъ кровь охладѣла въ моихъ жилахъ и отъ превеликаго ужаса волосы на головѣ поднялись И едва трижды произнесъ сіе страшное слово, то въ мгновеніе отворилось двойное окошко, отстоящее отъ меня не въ дальномъ разстояніи, и свѣтъ гораздо чистѣйшій и

проницательнѣйшїй солнечныхъ лучей изъ онаго изшелъ. Послѣ чего верблюдова голова, ужасная какъ по своей величинѣ, такъ и по своему безобразїю, выставилась изъ онаго съ гнусными ушами. Сїе ужасное пугалище пристойнымъ ему голосомъ произнесло слѣдующїя слова: „ Что? и какую нужду до меня имѣешь ты? „ Отъ сихъ страшныхъ словъ во всѣхъ верхнихъ и подземныхъ жилищахъ эхо раздалось.

Я не могу изобразить тогдашняго моего состоянїя; не вѣдаю, кто былъ подпорою моея бодрости, и кто препятствовалъ появиться моей боязни, происходящей отъ возрѣнїя на ужасный образъ сего чудовища, и отъ безмѣрнаго крика, со ужасомъ повтореннаго въ моихъ ушахъ.

Въ семъ случаѣ почелъ я за нужное собрать всѣ свои силы къ истребленїю страха и ужаса, не взи-

рая на холодной потъ, появившійся на моей кожѣ: въ семъ случаѣ я надъ своими прихотьми верхъ одержалъ. Надобно стараться, чтобы всегда нашъ духъ готовъ былъ къ перемѣненію всѣхъ напастей, и имѣлъ бы силу ничемъ не преодолимую. Множество разсужденій и чувствованій, вселившись въ мое сердце и разсудокъ, произвели скоро свое дѣйствіе.

По произведеніи сего дѣйствія, я учинился полнымъ властителемъ надъ моими страстьми, и сему чудовищу смѣло говорилъ: что ты помышляешь, дерзновенный, являяся подъ симъ страшнымъ видомъ?

Духъ, нѣсколько помысля, сказалъ весьма тихимъ голосомъ: „Вы „меня спрашивали.„ Рабъ, сказалъ я ему, или ты ищешь случая въ робость привести твоего господина? Естьли ты пришелъ къ полученію моихъ приказаній, то прійми образъ

приличной твоему тихому голосу... Государь мой, сказала она мнѣ, какой прикажите принять мнѣ видъ къ вашему удовольствію.

Мнѣ на мысль пришла идея первая о собакѣ, и для сего сказалъ я ей: предстань въ видѣ легавой собаки. Едва произнесъ я сей приказъ, какъ страшный верблюдъ началъ сокращать свою шею, которая простиралась въ длину на 13 футовъ, и наклонивъ голову до средины залы, испустилъ изъ своего зѣва бѣлую легавую собаку, у коей уши висѣли почти до земли. Посемъ окошко затворилось, все видѣніе изчезло, и я остался въ залѣ довольно освѣщенномъ съ собакою.

Она многія дѣлала тѣлодвиженія, оборачиваясь около моего круга, и не мало ласки показывала, смотря на меня. Государь мой, сказала она мнѣ, я бы желала блюсти твою пя-

шу, но ужасная черта сія, тебя окружающая, мнѣ во ономъ возбраняетъ.

Въ семъ случаѣ моя довѣренность простерлась до дерзости. Я выступилъ изъ круга, протянувши къ ней свою ногу, которую она начала лизать. Я оборачивался весьма часто, дабы ее за ухо подрать; она легла на спину, какъ бы для испрошенія моей милости, и я увидѣлъ напослѣдокъ, что это была сука. Встань, говорилъ я ей, я тебя прощаю; вѣдай, что я имѣю бесѣду, отстоящую отсюда на нѣсколько шаговъ, которая по прогулкѣ безъ сомнѣнія голодъ и жажду утолить желаютъ, и по сему-то я хочу для нихъ ужинъ сдѣлать, къ которому надобно пріуготовить разные плоды, закуски, медъ, Греческое вино; а между тѣмъ укрась и освѣти сей залъ сколько можно скорѣе и лучше. По окончаніи ужина ты должна превратиться въ совершеннѣйшаго музы-

жанта, и играть на арфѣ; а въ которое время должна ты будешь играть, о семъ я тебѣ скажу. Старайся всячески исполнить свою должность, и покажи при игранiи прiятность и твое искусство. Я буду повиноваться, но скажите съ какимъ условiемъ? Съ такимъ, какъ обыкновенно вѣрные рабы повинуются господамъ. Повинуйся безотговорочно, или.... Ты меня не знаешь, государь мой; ибо естьли бы ты меня зналъ, то безъ сомнѣнiя поступалъ бы со мною не такъ строго, и я можетъ быть сыскала бы способъ тебѣ угодить безъ огорченiя.

Едва только собака перестала говорить, и я не успѣлъ повернуться, какъ увидѣлъ мои повелѣнiя исполненными гораздо скорѣе, нежели кулисы въ оперѣ въ верьхъ поднимаются. Стѣны комнаты, бывшiе прежде черные и мохомъ оброcшiе, приняли на себя видъ прiятный, и украще-

ны были живописными картинами, и весь залъ казался быть составленъ изъ разноцвѣтнаго мрамора; своды подкрѣпляемы были великолѣпными аркадскими столпами; восемь кристальныхъ свѣтильниковъ, изъ коихъ каждый имѣлъ по три восковыя свѣчи, иллюминовали весь залъ съ несказаннымъ сіяніемъ.

Нѣсколько спустя и столъ съ десертомъ былъ поставленъ, плоды съ разными благовонными цвѣтами, съ пріятностію на ономъ были положены. Маленькая собачка множество дѣлала движенїй въ залѣ около меня для исправленія своея должности и въ мое удовольствіе.

Это все очень хорошо, Віойдето, такъ я назвалъ сію собачку, сказалъ я ей, но теперь надѣнь ливрею, и поди, скажи господамъ, не далеко отсюда находящимся, что я ихъ дожидаюсь, и что все покорено.

И такъ я вмѣсто собаки въ мгновеніе увидѣлъ пажа, проворно одѣтаго въ мою ливрею, держащаго въ рукѣ факелъ, коего нѣсколько спустя узрѣлъ ведущаго моихъ товарищей, Нидерландца и двухъ его пріятелей.

Они, пріуготовившись слышать нѣчто не обычайное, по приходѣ и учтивостямъ пажа пребывали въ такомъ же состояніи, въ какомъ отъ меня вышли. О! естьли бы я ни о чемъ не думалъ, то довольно бы могъ посмѣятся надъ ихъ иступленіемъ, которое изъявлено было чрезъ ихъ восклицанія и жадный на все взоръ!

Господа, сказалъ я имъ, вы очень дальной путь воспріяли единственно только изъ любви ко мнѣ, теперь бы намъ должно возвратиться въ Неаполь, но я думаю, что сей ужинъ вы не презрите, и извините меня въ недостаткахъ его, по причинѣ короткаго времени.

Скорость моя, съ каковою я составилъ сей ужинъ, и къ коему приглашены они были, гораздо въ большее ихъ удивленіе привела, нежели бы всѣ театральныхъ дѣйствій перемѣны. Я, сіе примѣтя, вознамѣрился пресѣчь оное, и желалъ всѣми силами въ умѣренность привесть эту радость, которая была причиною моему волшебству.

Я ихъ просилъ сѣсть за столъ, и мой пажъ, подавши стулья съ удивительною поворотливостію, заставилъ ихъ мою прозьбу исполнить. Я наполнялъ рюмки, раздавалъ плоды, и уже всѣ и все ѣли и пили, выключая одного меня. Наконецъ и я и прочіе пили за здоровье одной прекрасной Неаполитанскаго двора дѣвушки. Говорилъ я о новой оперѣ о Римской комедіанкѣ, прибывшей сюда не давно, которой прелестныя дарованія извѣстны уже стали и двору; упоминалъ о музыкѣ, живопи-

сномъ искусствѣ и о изящности мрамора, служащаго не малымъ украшенїемъ сего зала.

Бутылки часто изсыхали, которыхъ мѣста гораздо съ лучшимъ виномъ другїя занимали; пажъ оныя усугублялъ, и услугу свою продолжалъ во весь ужинъ. Я, на него скрытно отъ другихъ посмотрѣвши, сказалъ, дабы онъ представилъ любовь во образѣ пажа; поелику мои сотоварищи отъ страннаго приключенїя на него взираютъ со удивленїемъ, радостїю и смущенїемъ. Сїе состоянїе, въ коемъ они находятся, мнѣ не нравилось, того ради я и хотѣлъ оное перемѣнить. Вїойдетто, сказалъ я ему, госпожа Фїорентина хотѣла ко мнѣ прїѣхать; посмотри, не прїѣхала ли она? Вїойдетто выходитъ изъ комнаты.

Прїятели мои не имѣли еще довольно времени надивиться поспѣшности моего посольства, какъ дверь зала растворилась, въ которыя вошла

фїорентина, держа въ рукахъ своихъ арфу. Она была одѣта въ шелковое дезабилье, на головѣ ея была шляпа, а лице ея тонкїй флеръ покрывалъ. Она положила арфу подлѣ себя, показывала учтивости, преисполненныя радостїю и прїятствомъ. Государь мой, Альваръ, я не знала, что у васъ есть бесѣда; я бы не такъ убралась, но я не сумнѣваюсь, чтобъ и сїи господа не извинили меня въ семъ случаѣ, такъ какъ путешествующую.

Она сѣла, и мы подносили остатки отъ нашего бала, которые она отвѣдывала единственно изъ одной учтивости. Что это, сударыня! вскричалъ я, развѣ вы изволили только проѣзжать чрезъ Неаполь: жалко, что не знали, какъ васъ тамъ удержать. Вотъ, что меня, государь мой, къ отъѣзду понуждаетъ.

Меня изъ Венецїи просили, чтобы я туда прїѣхала, и я имъ сїе

обѣщала исполнить, безъ чего бы я никакъ не отказалась отъ выгодъ, представляемыхъ мнѣ здѣшнимъ двором, и надѣялась бы снискать къ себѣ любовь отъ знатнаго Неополитанскаго дворянства, которое своею разборчивостію и искусствомъ всѣхъ живущихъ въ Италіи превосходитъ.

Два Неаполитанца за сіе превозносили похвалами, возбуждены будучи симъ толь хорошо представленнымъ явленіемъ. Я просилъ ея показать намъ ея искусство въ пѣніи, но она имѣла насморкъ, и будучи симъ приведена въ слабость, опасалась, дабы не потерять того хорошаго мнѣнія, которое мы объ ней возъимѣли. Наконецъ, вознамѣрившись исполнить мою прозьбу, начала играть жалостную арію, которая совершитъ третіе дѣйствіе оперы, и къ ней припѣвать.

И такъ она, взявъ арфу своею бѣлою сановитою рукою, на которой

безпрестанно игралъ румянецъ, и перебирая перстами, которые имѣли чрезмѣрную красоту и стройность, начала играть. Мы и надѣялись услышать весьма веселой и прїятной отъ нее концертъ.

Сїя госпожа играла столь нѣжно, прїятно, живо и выразительно, что не льзя было ничего лучшаго желать. Ея пѣнїемъ былъ я тронутъ до крайности, такъ что уже почти позабылъ, что я былъ виною сему толь прїятному увеселенїю. Играющая Фїорентина дѣлала для меня нѣжныя выраженїя своего пѣнїя. Пламенный взглядъ ея проницалъ покрывало, и составлялъ чрезвычайную прїятность; очи ея были подобны брилїантамъ. Наконецъ, разсмотрѣвъ черты лица ея, сколько покрывало мнѣ дозволяло, узналъ я въ образѣ Фїорентины бездѣльника Вїойдетта, но красота лица ея, и прекрасной станъ подавали поводъ къ примѣчанїю подъ уборомъ женщины знат-

нѣе нѣчто, нежели подъ одѣяніемъ пажа.

Мы изъявили ей достойную похвалу по окончаніи ея концерта и пѣнія. Я еще желалъ, чтобы она проиграла веселую арію, и симъ самымъ показала бы разныя свои дарованія. На сіе она отвѣтствовала, что она имѣетъ насморкъ, и потому выполнить моей прозьбы болѣе не можетъ, да кромѣ того вѣдайте, что я, повинуясь вамъ, и первую проиграла съ великимъ усиліемъ; ибо голосъ мой отъ разныхъ перемѣнъ, въ путешествіи случившихся, нѣсколько испортился, да и ѣхать уже мнѣ пора, ибо смеркается. Я прошу меня благосклонно извинить, и позволить мнѣ отъ васъ удалиться. Сказавъ сіе, она встаетъ и хочетъ взять свою арфу, но я, подбѣжавши, схватилъ оную, и проводилъ ее до дверей, въ которыя она въ нашу бесѣду была введена.

Вмѣсто радости, которую я отъ ея прїятнаго игранїя ощутилъ, отъѣздъ ея и во мнѣ и въ моихъ собесѣдникахъ произвелъ совсѣмъ противное. Въ семъ случаѣ я прибѣгнулъ къ Кипрскому вину, отъ чего, какъ я, такъ и моя бесѣда, стали веселѣе. Я мѣру его еще увеличилъ, а когда уже было очень поздо, то я сказалъ моему слугѣ, за стуломъ у меня добровольно стоящему: вели подвесть мою коляску. Сїе мое повелѣнїе Вїойдетто безъ замедленїя исполнилъ.

Развѣ вы имѣете здѣсь свой экипажъ, сказалъ мнѣ Соберано? Вы не ошиблись, государь мой, отвѣтствовалъ я ему: я велѣлъ оной за собою вести, воображая, что естьли наше собесѣдованїе продолжится долго, то чтобы мы оной безъ нужды сыскать могли. Выпьемъ еще по рюмкѣ, намъ нечего бояться, мы идучи шататься не будемъ, но сидючи. Я не успѣлъ окончить моихъ рѣчей,

какъ увидѣлъ вошедшаго пажа, и ведущаго за собою двухъ скороходовъ, пышно одѣтыхъ въ мою ливрею. Государь мой, Альваръ, сказалъ мнѣ Вїойдетто, я не могъ сюда подвесть вашу коляску, по причинѣ развалинъ, окружающихъ сїи палаты, а она отъ нихъ не въ дальномъ находится разстоянїи. И такъ теперь мы туда пойдемъ, Вїойдетто, иди впередъ. Мы не могли никакъ всѣ итти рядомъ, по причинѣ развалинъ. Соберано, шедши одинъ со мною рядомъ, и ухватясь за руку, сказалъ: вы для меня сдѣлали весьма великолѣпный балъ, стоющїй вамъ великаго иждивенїя.

Любезный другъ, отвѣтствовалъ я ему: я весьма счастливымъ себя почитаю, естьли вамъ оной прїятенъ, ибо я употребилъ все, что имѣю наилучшаго.

Потомъ мы пришли къ колясkѣ, подлѣ которой сыскали еще двухъ скороходовъ, кучера и форейтора.

Коляска сїя способная къ дорогѣ со всѣми людьми представлена была къ моимъ услугамъ, и я моихъ гостей, поблагодаривши за ихъ посѣщенїе, просилъ ихъ сѣсть во оную. Потомъ они сѣли, и мы предпрїяли тихой путь въ Неаполь.

Въ началѣ нашего пути соблюдали мы непрерывное молчанїе, которое наконецъ прервано было однимъ Себерановымъ другомъ. Я не прошу васъ, Альваръ, о томъ, дабы вы мнѣ открыли сїю тайну, но думаю, что вы съ духами имѣли какой нибудь особенной договоръ: ибо никому они не служили столько, какъ вамъ. Я трудился для сего 40 лѣтъ, да и въ толь долгое время не прїобрѣлъ отъ нихъ ниже четвертой части того, что вамъ въ одинъ вечеръ досталось. Вы вѣдаете свою должность, вы находитесь въ юныхъ лѣтахъ, въ которыхъ другїе крайнѣ желаютъ дѣлать безъ дальняго раз-

сужденія, и желаютъ токмо веселостями наслаждаться.

Бернадило, такъ сего человѣка называли, съ крайнимъ вниманіемъ произнося сіи слова, подавалъ мнѣ довольно времени подумать объ отвѣтѣ.

Я самъ не вѣдаю, отвѣтствовалъ я ему, какимъ способомъ пріобрѣлъ я отличныя благопріятства, коимъ весьма скоро, по моему мнѣнію, конецъ учинится; но я токмо тѣмъ буду утѣшаться, что я оныя раздѣлилъ съ своими пріятелями. Видѣли они, что я съ ними поступаю съ осторожностію, и что въ дальнія обхожденія и разговоры не вступаю.

Между тѣмъ какъ они въ безмолвіи пребывали, я разсуждалъ, и на память приводилъ все то, что видѣлъ и дѣлалъ: дѣлалъ сравненіе между Собериановымъ и Бернадиловымъ разговоромъ, и заключилъ напослѣдокъ, что я избѣжалъ весьма вели-

каго несчастія, въ которое бы всякаго человѣка, подобно мнѣ, ввергло суетное любопытство.

Мнѣ ничего не доставало въ воспитаніи, поелику я былъ воспитанъ предъ глазами моего родителя Дона Бернанда Маривилла, человѣка знатнаго и доброжелательнаго, и предъ глазами моей матери Доны Менціи, женщины набожной, и почитаемой изъ всего Естремадура. Ахъ! любезная моя родительница! сказалъ я самъ въ себѣ, чтобы ты помыслила о своемъ сынѣ, естьли бы ты его увидѣла теперь; но сіе, я навѣрно знаю, никогда не случится.

Между тѣмъ коляска наша вступила въ Неаполь, въ которой я Соберановыхъ пріятелей отвезъ въ ихъ жилища, а самъ съ Собераномъ возвратился на свою квартиру. Великолѣпный нашъ экипажъ нѣкоторой еще блескъ испускалъ предъ стражею, въ

видѣ которой мы къ квартирамъ подъѣхали; но помощїю Вїойдетта былъ нѣсколько уменьшаемъ, которой сему блеску препятствовалъ, стоя позади коляски.

Пажъ отпустилъ коляску со всѣми находящимися при ней людьми, и взявъ факелъ у скорохода, провожалъ меня чрезъ всѣ казармы въ мой покой. Камердинеръ мой, пришедши въ изумленїе больше прочихъ, желалъ у меня спросить о новой моей свитѣ, съ которою я на квартиру прибылъ. Любезной Карлъ, сказалъ я ему, на теперешнїй разъ я въ тебѣ нужды никакой не имѣю: поди, и успокойся, я съ тобою переговорю обо всемъ завтрешнїй день.

Мы были одни въ комнатѣ, въ которой Вїойдетто дверь затворилъ. Состоянїе мое учинилось гораздо смятеннѣе тогдашняго, когда я находился среди моихъ собесѣдниковъ и

на мѣстѣ ужасныхъ развалинъ. Я хотѣлъ приключенїе мое привесть къ концу, и нѣсколько успокоиться; но посмотрѣвъ на пажа, коего очи потуплены были въ землю, и чело вскорости покрыто было румянцемъ, да и постоянный его видъ казался смущеннымъ, говорить ему я такъ началъ.

Ты много услугъ мнѣ показалъ, Вїойдетто, также и находящимся со мною; и какъ за сїе ты награжденъ былъ отъ меня прежде, то и желаю, чтобъ ты меня теперь оставилъ. . .

Не льзя думать, чтобы Донъ Альваръ, наблюдая свое благородство, не воздалъ за все то, что представлено было къ его услугамъ. . .

Естьли вы думаете, что мнѣ ничемъ болѣе не должны, то сдѣлайте щотъ, и я не прошу того, чтобъ вы мнѣ скоро заплатили остатки. Безспорно, что вы заплатили чет-

четвертую долю; но вы еще должны за игру, за пищу и портному за платье. . . . Ты шутишь не къ стати. . . . Чѣмъ бы мнѣ шутить, то не лучше ли бы было просить у васъ увольненія? Ибо уже поздно, и время настало къ отдохновенїю.

Учтиво ли вы сдѣлаете, естьли меня отпустите отъ себя въ сей часъ? Я не ожидалъ таковаго прїему отъ Испанскаго кавалера. Ваши друзья вѣдаютъ, что я сюда пришелъ; также сїе не безъизвѣстно вашимъ воинамъ и вашимъ людямъ, которые совершенно усмотрѣли мой полъ. Естьли бы я была подлая женщина, то должны бы вы имѣть нѣкоторое почтенїе къ благопристойности моего пола, но вашъ поступокъ для меня есть весьма безчестной, и причиняетъ не малую мнѣ обиду. Нѣтъ ни одной женщины, которая бы была столько обижена какъ я. . .

Не уже ли тебѣ угодно теперь быть женщиною для пріобрѣтенія почтенія? Изрядно, для избѣжанія соблазна, сдѣлайся толь малымъ, чтобы могъ помѣститься въ скважинѣ замка. Какъ! Возможно ли, это такъ говорить, не вѣдая, кто я.... Могу ли я того не знать? Я вамъ точно сказываю, что вы не вѣдаете, ибо вы повинуетеся токмо однимъ предразсужденіямъ; но кто бы я ни былъ, я васъ покорнѣйше прошу принять меня въ свое покровительство, и подать мнѣ помощь. Не знаю, можно ли извинить ваше неблагоразуміе, которое есть главнымъ предметомъ вашей упорности. Я для васъ все то дѣлалъ, что могъ, всѣмъ вамъ жертвовалъ, вамъ совсѣмъ предался, и повсюду за вами слѣдовалъ; я покорялъ всѣ свои страсти для вашего единственно удовольствія; но я теперь не могу нигдѣ сыскать пособія и убѣжища, какъ токмо вашу комнату. Позволите ли мнѣ, Аль-

варъ, въ оной остаться? Да не скажутъ никогда, что кавалеръ Испанской жестоко презрѣлъ такого человѣка, которой жертвовалъ ему всѣмъ своимъ имѣнїемъ, не выключая и своей горячности, которой не имѣя никакой помощи, какъ только отъ него; притомъ оставлена и пренебрежена женщина. Я старался всячески скрыть то смущенїе, въ которое она меня повергла; но она, обнявши мои колѣна, слѣдовала за мною повсюду. Наконецъ, встань, сказалъ я ей, развѣ ты меня пришла обязать клятвою? Мать моя когда мнѣ вручила первой мечь въ мое владѣнїе, то для предосторожности принудила меня въ томъ дать себѣ присягу, чтобы мнѣ онымъ сохранять во всю мою жизнь женской полъ, и оный ни чемъ не озлоблять. Но что я при теперишнемъ случаѣ долженъ помыслить?...

Что ты, жестокїй, помышляешь о семъ. Но на какомъ бы то пра-

вѣ ни было основано, позволь мнѣ препроводить ночь въ своей комнатѣ. . .

Я хотѣлъ столь странное приключенїе привесть совершенно къ окончанїю, и для сей причины велѣлъ ей сыскать такое мѣсто, гдѣ бы я ее не могъ ни слышать, ни видѣть; ибо я при изрѣченiи перваго ея слова, или при первомъ ея движенiи, находился способнымъ разрушить то спокойствiе, которымъ я хотѣлъ насладиться, и взаимно бы закричалъ громкимъ голосомъ: (Que voulez-vous.) Чего хотите?

Я, отъ нея отвернувшись, приближился въ своей постелѣ, началъ раздѣваться, и намѣренъ былъ успокоиться. Не нужно ли вамъ мое вспомоществованїе. . . Нѣтъ, прервалъ я ея рѣчь, я человѣкъ военной и не употребляю ни чьихъ услугъ; послѣ чего я легъ на свою кровать, и увидѣлъ сквозь занавѣсъ моей по-

стели, что и пажъ стелетъ себѣ постелю въ углѣ комнаты на сундукѣ.

И такъ пажъ на ономъ сѣлъ и раздѣлся, одѣлся моимъ плащемъ, лежавшемъ на стулѣ, погасилъ свѣчу, и симъ самимъ на малое время оставилъ свое явленіе, которое однако послѣ онаго началось на моей постелѣ, на которой я лежавши не малое время, не могъ пріятностями сна насладиться.

Мнѣ мечталось, что изображеніе пажево находилось непрестанно на одрѣ моемъ; по сему то я ни о чемъ болѣе не думалъ, кромѣ его. Тщетно я старался воображать сей прелестной предметъ въ своемъ умѣ, дабы изгнать изъ головы своей ужасное сіе привидѣніе, не давно мною видимое, и первое явленіе служило мнѣ къ напоминовенію послѣдняго. Пріятное его пѣніе, слышаное мною въ каморѣ, плѣняющій голосъ, раз-

говорѣ его весьма любезной пребывали еще въ моемъ сердцѣ ненарушимо, и подавали поводъ къ моему восторгу.

Ахъ! Віойдетта, сказалъ я самъ въ себѣ, чтобы было, естьли бы ты не была существо духовное! Естьли бы ты не имѣла подлаго вида верблюдова; но при какомъ движеніи я бы долженъ то получить? Я побѣду одержалъ надъ страхомъ, разрушивъ мысль толь пагубную. Какого пріятства я долженъ былъ ожидать отъ онаго? Не все ли зло происходитъ отъ самаго сего произшествія?

Пламенный взоръ его, и толикая пріятность есть ни что иное, какъ лютый ядъ. Сіи прельщающіе пріятности, и толь живо представляющіеся алые его уста, единый только обманъ извергаютъ. Сіе сердце, естьли бы не имѣло никакой измѣны, то бы столько не могло быть прелестно.

Въ то время, какъ я предался размышленiямъ, приключившимся отъ движенiй, которыя меня довольно колебали, луна, достигшая до высоты Гемисферы, и будучи на лазуревомъ небѣ, проницала своими ясными лучами въ мою комнату чрезъ три не большiя скважины.

Я очень долго переворачивался съ одного бока на другой на своей постелѣ; къ чему я уже довольно возъимѣлъ хорошей навыкъ. Три доски, поддерживающiя мой тюфякъ, наконецъ отъ частаго моего движенiя съ великимъ шумомъ упали.

При стукѣ Вiойдетто вскочивъ, прибѣжалъ ко мнѣ съ ужасомъ, изъявляющимся на лицѣ его. Какое несчастiе постигло тебя, говорилъ онъ мнѣ?

И какъ я его съ глазъ не спущалъ, не взирая на мое приключенiе, то примѣтилъ я съ помощiю луннаго сiянiя, одѣтаго въ рубашку пажа,

которой билъ себя рукою по бедру. . . .

Я былъ удивленъ симъ худымъ состоянїемъ моея постели, которая мнѣ не мало препятствовала послѣ того къ восприятїю сна, но онъ держалъ меня нѣсколько въ своихъ объятїяхъ.

Мнѣ ничего не сдѣлалось, отвѣчалъ я ему: возвратись въ свое мѣсто; ты прибѣжалъ не къ стати, да притомъ еще и безъ туфлей, отъ сего можетъ причиниться что нибудь дурное; ступай для того скорѣе. . . . Но вы теперь въ безпокойствѣ находитесь. . . . Конечно вы мнѣ оное причиняете, и для того уйдите поскорѣе: мнѣ ваши услуги теперь не нужны, я вамъ приказываю итти спать. Онъ не сталъ послѣ сего дожидаться моихъ угрозъ, и пошелъ спать: легъ онъ на цыновкѣ, и вздыхалъ притомъ весьма горестно.

По прошествіи ночи мои безпокойства изчезли, и дали мнѣ нѣсколько времяни пріятностьми сна наслаждаться. Утреннею зарею я пробудившись, началъ обращать повсюду свой взоръ, дабы увидѣть своего пажа.

Вдругъ увидѣлъ я его, сидящаго на стулѣ, и имѣющаго на себѣ душегрѣйку, разчесывающаго волосы свои, досязающіе до самой земли, которые были природные, развѣвающіеся и покрывающіе всю его спину, рамена, и все его лице.

Ничего не возможно было лучшаго желать сей картины. Онъ старался порядочно убрать оныя, и бѣлой гребень, сдѣланной изъ чистой слоновой кости, никогда не обращался съ такимъ пріятствомъ, какъ въ сіе время въ златоподобныхъ его волосахъ, коихъ красота сходствовала съ прочими его совершенствами.

Малое движенїе, которое я причинилъ при оставленїи сна, подало ему причину поспѣшнѣе убирать свои букли, осѣняющїе его прекрасное лице. Вообрази себѣ, любезный Читатель, въ весеннее время восходящую въ облакахъ поутру Аврору съ росою, съ прїятнымъ Зефиромъ и со всѣми ея благовонїями, то сїе будетъ превосходнѣе сего зрѣлища.

Вїойдетто, сказалъ я ей, возьми гребень, находящейся въ уборномъ моемъ столикѣ; чему она безпрекословно повиновалась. Волосы съ такою же прїятностїю, какъ и украшенїемъ были убраны, на верьху коихъ находились алыя ленты. Послѣ онъ, взявши свою тѣлогрѣю, надѣвъ на себя, и одѣвшись совсѣмъ порядочно, сѣлъ на стулѣ съ видомъ, боязнь изъявляющимъ, смущеннымъ и безпокойнымъ, кратко, съ такимъ видомъ, отъ котораго я долженъ былъ притти объ ней въ сожалѣнїе.

Естьли такъ необходимо, чтобы я въ сей день видѣла одну укоризну превосходнѣе другой, то сему я не буду сопротивляться; но позабавимся теперь нѣкоторою загадкою, естьли возможно, сказала она. Яжъ ей отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: уже Віойдетто день насталъ, ты можешь вытти изъ моей комнаты, не опасаясь посмѣянія. . . .

Правда, что я теперь освобождена сего страха, но какъ ваша, такъ и моя равномѣрно польза заставляетъ меня, а больше еще понуждаетъ съ вами не разлучаться. Изъясните мнѣ оную, сказалъ я ему. Въ угодность вашу: прошу послушать.

Господинъ, Альваръ, юность ваша и не зрѣлой разумъ сокрываютъ отъ очей вашихъ опасности, которыя васъ повсюду окружаютъ. Лишь только я васъ увидѣла подъ каморою, и толь мужественную постоянность

въ васъ примѣтила, а особливо при воззрѣніи на гнусное явленіе верблюда, говорила я сама себѣ: для свершенія моего благополучія, я должна совокупиться съ симъ смертнымъ, и для сего приму на себя плоть, что уже время учинить. Се герой достойный обладать моимъ сердцемъ, котораго многіе его соперники не заслуживали. Они теперь въ своемъ проступкѣ раскаяваются; но какая мнѣ въ томъ нужда? любимая Альваромъ и сопряженная съ нимъ, покорена будетъ природою. Вы зрѣли онаго послѣдованія и конецъ.

Зависть, ревность, презрѣніе и бѣшенство пріуготовляли для меня жесточайшее наказаніе, какому токмо могъ подвергнуть себя человѣкъ моихъ качествъ. Лишенный своего выбора, вы одинъ находитесь въ состояніи отъ онаго меня избавить. Лишь только Фебъ озаритъ васъ своими лучами, то доносщики уже бу-

дутъ въ готовности отвесть тебя, яко чернокнижника въ судъ, вамъ не безъизвѣстной. . . .

Постой, вскричалъ я, бросая на него гнѣвные взоры, ты славный и превосходнѣйшїй изъ всѣхъ обманщиковъ; ты объявляешь симъ свою любовную страсть, изображаешь оной подобїе, и сею мыслїю заражаешь свое воображенїе. Я приказываю тебѣ не говорить ни единаго слова; оставь меня наслаждаться покоемъ, ежели я токмо онаго прїятности могу получить, а чрезъ сїе сдѣлаешься способнымъ къ воспрїятїю на сїе рѣшенїе.

Естьли вы желаете, чтобы я побывала въ судейскихъ рукахъ, я объ этомъ не стану спорить, поелику мнѣ все равно, гдѣ бы не быть, но только съ вами; а естьли вы желаете какимъ нибудь образомъ удалить меня отъ себя, то чтожъ мнѣ

къ вамъ и привязываться; да и не могу ли я васъ оставить, когда токмо захочу сїе учинить: прошу покорно отвѣтствовать мнѣ на сїе попорядочнѣе и яснѣе. . . .

А чтобы я отъ васъ удалилась, то на сїе довольно одного вашего произволенїя, а печалюсь я только о томъ, что моя преданность, не давно предъ вами изъясненная, была чистосердечная, и естьли вы ее забыли и мою сердечную услугу, то вы учинились въ разсужденїи меня неблагодарнымъ и неблагоразумнымъ.

Я ни чему не вѣрю, какъ только тому, что я долженъ теперь отправиться въ путь. Я хочу разбудить моего камердинера, которой, сыскавши денегъ, долженъ отнесть на почту, я поѣду въ Венецїю къ нѣкоторому мѣсту, лежащему при Вачейвеллѣ, къ банкиру моея матери. Вамъ надобны деньги? изрядно,

что я оныя приготовилъ, и имѣю честь вамъ оными служить.

Сохраняй оныя для себя, а я, взявши ихъ отъ женщины, окажу презрительную подлость.

Я оными васъ ссужаю на срокъ, а не въ даръ подношу: прикажите мнѣ все то исполнить, что вы должны бы сами учинить съ банкиромъ.

Извинитесь письменно предъ своимъ камердинеромъ въ необходимой надобности, понудившей васъ уѣхать безъ его дозволенія, а я пойду на почту, и найму тамъ коляску съ лошадьми; но прежде сего, Алварь, когда я принуждена съ тобою разлучиться, и отъ сего прихожу въ превеликой ужасъ, скажи немедленно: духъ, принявшій на себя плоть единственно токмо для меня одного, я принимаю твою покорность, и пріемлю тебя въ свое покровительство.

Такимъ образомъ предписавши мнѣ сїю форму, пала предо мною на колѣни, и схвативъ меня за руку, нѣжно ее жала, и орошала слезами.

Отъ сего я былъ внѣ себя, не вѣдая и самъ, что должно мнѣ предпринять. Я ей подалъ свою руку, которую она лобызала, проговаривая нѣкоторыя слова, которыя ей казались очень важными, и какъ я окончилъ свою рѣчь, то она встала. Я предаюсь совсѣмъ вамъ, вскричала она въ радостномъ восторгѣ, я могу сдѣлаться счастливѣйшею изъ всѣхъ творенїй.

Въ одну минуту надѣла она мой плащь и шляпу, и пошла изъ моей комнаты.

Я пребывалъ въ иступленїи, помышляя о состоянїи моихъ долговъ.

Вїойдетта, одѣтая въ плащь, возвратилась съ почты, и взошла въ мою комнату. Карлъ, пробудив-

шись отъ чрезвычайнаго шуму, явился передо мною въ одной рубашкѣ, коему я приказалъ итти въ Канцелярїю для полученїя моихъ повелѣнїй, а самъ я, сѣвши въ коляску, отправился въ путь.

Вїойдетта сѣла возлѣ меня въ коляскѣ. И по выѣздѣ нашемъ изъ города, сняла съ себя покрывало, которое расположенїе лица ея не совершенно показывало; волосы ея были сокрыты подъ великолѣпнымъ уборомъ, коихъ вершина убрана была драгоцѣнными камнями; лице же ея, не имѣя никакихъ прикладныхъ красокъ, сїяло природною красотою, бѣлизною и румянцемъ.

И казалось, что румянецъ на лицѣ ея былъ прозрачной. Неудобопонятно казалось, какимъ образомъ совокуплены были прїятность, бѣлизна, живность съ чистосердечїемъ, которое начертано было на челѣ ея.

Я въ изумленіе приходилъ, разсматривая всѣ ея члены, и помышляя о пагубѣ, которая мнѣ отъ нихъ произойти можетъ, закрылъ глаза для моего успокоенія.

Сіе мое предпріятіе тщетнымъ не осталось, ибо въ скоромъ времени сонъ овладѣлъ всѣми моими чувствами. Онъ былъ толь сладокъ и пріятенъ для меня, что его пріятности толико были способны къ успокоенію моего духа отъ страшныхъ и безпорядочныхъ воображеній, и толь долго онъ продолжался, что въ слѣдующее время моя мать, увѣдавши объ ономъ и о всѣхъ моихъ приключеніяхъ, утвердила, что онъ былъ сверхъестественный, а я пробудился отъ сна при началѣ канала, гдѣ обыкновенно садятся на корабли, дабы прыплыть въ Венецію.

При наступленіи ночи я переѣзжалъ чрезъ проливъ. Носильщикъ при-

ставалъ ко мнѣ за тѣмъ, дабы я приказалъ перенесть мои пожитки; но я оныхъ и на денежку не имѣлъ. Віойдетта, представши передъ меня, говорила, что судно, на коемъ я долженъ переправиться, уже готово, въ которое я вшедши съ поспѣшностїю, предался вторично прїятностямъ сна.

Но что я скажу? На другой день по утру я себя увидѣлъ въ Венецїи въ одномъ наилучшемъ трактирѣ, находящемся на улицѣ святаго Марка, которой я весьма скоро могъ разпознать. Я увидѣлъ передъ собою бѣлую домашнюю одежду, довольно богатую подлѣ своей постели. Я думалъ, что все сїе принадлежитъ хозяину, къ коему я прїѣхалъ. И для сего вставши, осматривалъ я все, и примѣчалъ, нѣтъ ли кого въ моей комнатѣ; но напослѣдокъ увидѣлъ я, что Віойдетта тамъ была только одна.

Стыдясь представившейся моимъ глазамъ Віойдетты, я благодарилъ фортуну за ея ко мнѣ благопріятства. Сей духъ по этому со мною повсюду будетъ не разлученъ. Я бы по своей чрезвычайной смѣлости и удалился, ежели бы не вѣдалъ, что моя рота на караблѣ и что я сего не долженъ учинить; но кажется, почитать себя я долженъ за великаго счастливца.

Не страшись, Альваръ, говорилъ я самъ себѣ, есть множество государскихъ дворцовъ и земныхъ владѣтелей, не считая Неаполитанскаго, которой долженъ тебя на путь правой наставить. Естьли токмо тебѣ исправиться не возможно будетъ, то ты еще себя гораздо лучше будешь весть. Ежели твои услуги отвергнуться, то по малой мѣрѣ Естремадура и достопочтенное отечество прострётъ для твоего вспомоществованія свои нѣжныя руки.

Но чего отъ меня желаетъ сей духъ, которой во время цѣлыхъ сутокъ не оставлялъ меня ни на одну минуту, и принялъ на себя весьма кроткій видъ, и далъ денегъ, которые я ему желаю въ скорости возвратить.

Въ то время, какъ занятъ я былъ такими мыслями, увидѣлъ ко мнѣ вшедшаго моего заимодавца, ведущаго за собою двухъ служителей и одного гребца. Должно вамъ здѣсь служить до пріѣзда Карлова, сказалъ онъ имъ. О честности и вѣрности моихъ новыхъ служителей поручился хозяинъ трактира, и къ своей порукѣ присовокупилъ онъ мнѣ похвалу, называя меня ревностнымъ защитникомъ государства.

Я весьма доволенъ выборомъ вашимъ, сказалъ я Віойдетту; но желаю знать, ночевали ли вы здѣсь?

Я ночевалъ, говорилъ мнѣ пажъ, потупя глаза въ землю, въ углу по-

кoя вашего превосходительства, дабы не причинить ни малѣйшаго вамъ безпокойства.

Я былъ крайнѣ доволенъ оказываемымъ мнѣ отъ нея уваженіемъ и почтеніемъ. Тѣмъ еще хуже, сказалъ я, поелику я бы не могъ ее отогнать, естьли бы ей понравилось тамъ быть не видимою для обладанія мною; а когда бы она была въ комнатѣ извѣстной, то я бы могъ вѣдать разстояніе между мною и ею находящееся. Я будучи доволенъ своимъ разсужденіемъ, похвалилъ безъ всякаго разсудка все то, что она сдѣлала.

Я хотѣлъ итти къ корресподенту моея матери, Віойдетта приказала подать уборной столикъ для уборки, по окончаніи которой я отправился въ путь, мною назначенной.

Пришедши къ купцу, съ коимъ моя мать вела переписку, былъ уди-

вленъ прїемомъ, оказаннымъ имъ при моемъ пришествїи. Онъ былъ въ лавкѣ, и увидѣвши, сказалъ мнѣ съ лицемъ веселымъ, на коемъ начерпана была живо ласка. Пожалуйте сюда, Донъ Альваръ, я не чаялъ васъ здѣсь видѣть, вы прибыли сюда весьма къ стати, и тѣмъ самымъ избавили и меня отъ затрудненія. Я хотѣлъ было къ вамъ отсылать два письма съ деньгами.

На мою квартиру, спросилъ я у него, вы хотѣли отослать? Такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, извольте отъ меня принять двѣсти цекиновъ, которые я получилъ сего утра отъ нѣкотораго пожилаго человѣка, въ которыхъ я ему далъ росписку; и сїи, по его рѣчамъ, были отъ Доны Менцїи, которая, долгое время не получавши отъ васъ писемъ, думая, что вы больны, просила сего Гишпанца о вашемъ состоянїи узнать, и оные деньги мнѣ отдать

для пересылки къ вамъ. . . . Не сказалъ ли онъ вамъ своего имени?

Я его имя записалъ въ росписке: онъ называется Донъ Пимiентосъ; и онъ говорилъ, что былъ конюшимъ при вашемъ домѣ, но я не чаялъ вашего сюда прiѣзда, и для того не спросилъ о его теперешней должности.

Такимъ образомъ я принявши деньги, разпечаталъ письма, въ коихъ написаны были моея матери жалобы о ея немощи, о моемъ нерадѣнiи, а о цехинахъ ничего не было упомянуто, и симъ самымъ они для меня были гораздо прiятнѣе.

Видя свой кошелекъ довольно наполненный деньгами, возвратился потомъ съ радостiю въ трактиръ, и я на силу могъ сыскать Вiойдетту въ одномъ покоѣ, въ которой она послѣ меня зашла.

Я увидѣвши ее, сказалъ ей, что я имѣю теперь деньги, и что хочу возратить тѣ, которыми я былъ ей долженъ. Она при сихъ словахъ закраснѣлась, что съ нею всегда случалось передъ начатіемъ со мною разговора, ожидала отъ меня благодарности, которая ей отъ меня и была изъявлена, и взявши отъ меня деньги, сказала токмо, что я былъ справедливъ, и что она желала бы еще долгое время ждать оныя, и получила бы отъ сего не малое удовольствіе.

Я вамъ и такъ еще долженъ, сказалъ я ей, поелику вы свои деньги платили за почту. Послѣ сего она начала стараться о накрытіи на столъ; тогда я ее оставилъ, и вышелъ изъ той комнаты съ холоднымъ видомъ. Она спрашивала меня о моемъ повелѣніи, однако, когда я ей ничего ни приказывалъ, то она продолжала свое дѣло.

Я нѣсколько примѣчалъ о ея поступкахъ, но она мнѣ казалась весьма многими трудами занявшеюся, къ которымъ она прилагала столько же искусства сколько проворства и живости.

Я, пришедши изъ той комнаты въ свою, зачалъ разсуждать такимъ образомъ. Пажъ Галдеронъ, которой раскуривалъ трубку табаку Соберану, хотя и имѣлъ видъ почтенный, однако, что касается до покою, то Соберано не имѣлъ точно такого, какой я теперь имѣю. Естьли Вїойдетта не причиняетъ мнѣ никакого безпокойства ниже неудовольствїя, то для чего же мнѣ ее у себя не держать; притомъ когда она меня точно увѣрила, что ежели я не захочу ее у себя имѣть, то стоить будетъ только одного моего произволенїя, такъ для чего же мнѣ всякой часъ помышлять объ этомъ. Сїи мои разсужденїя были прерваны извѣстїемъ о готовности обѣда.

По семъ извѣстіи сѣлъ я за столъ, а Віойдетта, одѣвшись въ ливрею, стояла за моимъ стуломъ, и примѣчала весьма разительно всѣ мои тогдашнія надобности. Но я не имѣлъ тогда нужды оборачиваться для примѣчанія ея движеній; ибо три зеркала, въ залѣ поставленныя, показывали мнѣ ясно всѣ оныя. Обѣдъ окончился, и онъ, собравши все со стола, оставилъ меня одного.

Хозяинъ сего трактира, въ которомъ я квартировалъ, пріѣхалъ, будучи весьма веселъ. Онъ поздравлялъ меня съ пріумноженіемъ моея свиты, которая составляла великое мое благополучіе. Онъ умалялъ ту похвалу, которая моему пажу принадлежала, то есть молодаго человѣка, весьма прекраснаго, любезнаго, благоразумнаго и пріятнаго, котораго я лучше никогда не видывалъ. Онъ у меня спрашивалъ, не хочу ли я ѣхать на карнавалъ? На что я неме-

дленно согласился, но ему не сказалъ своего настоящаго имяни. Сѣлъ я съ нимъ, и поплыли на шлюбкѣ.

По прїѣздѣ моемъ въ назначенное мѣсто, я пошелъ на зрѣлище, происходящее въ малой крѣпости. Игралъ тамъ не мало, и выигралъ сорокъ цехиновъ. Послѣ чего возвратился очень поздо домой; ибо едва могъ сыскать судно, на которомъ бы можно было удобно переѣхать.

По прибытїи моемъ на квартиру, встрѣтилъ меня мой пажъ внизу лѣстницы съ возженнымъ факеломъ, и оставивъ со мною камердинера, пошелъ въ свое мѣсто, спросивъ у меня, въ которомъ часу прикажу я ему ко мнѣ притти? Въ обыкновенное время должно ко мнѣ притти, отвѣтствовалъ я ему, не вѣдая притомъ, что я говорилъ, и не помышляя о томъ, что никто другой не могъ бы прожить такимъ образомъ, какъ я.

На другой день сонъ меня оставилъ весьма поздо, и я, вставши съ постели, обратилъ незапно свои глаза на письмо моея матери, которое лежало на столикѣ.

Достойная женщина! произнесъ я, что я могу здѣсь сдѣлать! Для чего себя не предаю покровительсшву премудрыхъ ея совѣтовъ? Ахъ! предамъ себя онымъ, предамъ безъ всякаго сомнѣнія; ибо сіе только одно для меня остается средство.

И какъ я сіи слова громко произнесъ, то примѣтили мои служители, что я уже проснулся, почему и вошли въ мою спальню, въ которомъ числѣ и пажъ мой, котораго я наиболѣе еще разсмотрѣлъ. Онъ имѣлъ видъ совсѣмъ безпристрастный, постоянный и толь униженный, отъ чего онъ мнѣ показался крайнѣ опаснымъ. Онъ принесъ ко мнѣ разныя матеріи и сукна, привезъ портнаго, съ коимъ я договорившись, отпустилъ ихъ отъ себя обоихъ. Уже при-

спѣло время и обѣдать; но я ѣлъ очень мало, да и то съ великою поспѣшностїю, желая себя скорѣе предать городскимъ забавамъ. Послѣ того слушалъ я Мазоновы разныя дѣйствїя, дѣлалъ и самъ, и симъ дѣйствїемъ кончилъ оперу. Сверхъ всего забавлялся интересною игрою, доколѣ моя страсть согласна была на сїе, и въ сей компанїи я гораздо больше выигралъ, нежели въ первой разъ.

Въ такомъ положенїи духа и разума я былъ около десяти дней, въ продолженїи коихъ иногда приходили мнѣ на мысль между новыми познанїями и прежнїя. Водили меня по знатнымъ собранїямъ; и чрезъ сїе свелъ я знакомство со многими знатными господами. Все бы было благополучно, естьли бы счастїе, повсюду за мною прежде слѣдовавшее, было непремѣнно; но я лишился въ одинъ вечеръ трехъ сотъ цехиновъ, собранныхъ мною въ разныя времена.

Я сумнѣваюсь, чтобы кто игралъ, имѣя толь великое несчастїе, каковымъ я тогда обремененъ былъ. Въ третьемъ часу по утру возвратился я домой, вспоминая съ прискорбїемъ объ остальныхъ 100 цехинахъ. Сїя моя печаль была изображена, какъ на моемъ лицѣ, такъ равномѣрно и на моемъ сердцѣ. Вїойдетта мнѣ казалась тогда не очень спокойною, и ничего со мною не говорила.

На другой день я всталъ гораздо рано, ходилъ по своей комнатѣ очень скоро и не спокойно; служили мнѣ, приносили пищу; но я не хотѣлъ оной употреблять Потомъ они перестали служить, и Вїойдетта противъ своего обыкновенїя осталась у меня. Она, посмотрѣвъ на меня, изпустила изъ очей своихъ слезы.

Вы проиграли, Донъ Альваръ, столько денегъ, которыхъ можетъ быть теперь заплатить находитесь

не въ состоянiи. . . Ну пусть будетъ сiе и такъ, какъ ты думаешь; но тебѣ нѣтъ до этого никакого дѣла.

Вы мое сердце всеминутно поражаете, и всѣ мои услуги во всякое время не за великое почитаются. Но вѣдайте, что я оныя прекращу, естьли вы со мною не сдѣлаете такихъ условiй, какiя вы скоро принуждены будете сдѣлать при противномъ вамъ счастiи. Но не прогнѣвайтесь за то, естьли я сяду, поелику я въ себѣ чувствую нѣсколько слабости, и для сей причины не могу стоять, и имѣю вамъ предложить важныя дѣла, ежели вы столько малодушны. Когда проиграетесь, то для чего же вы играете съ такимъ бѣшенствомъ? Вы не знаете, какимъ образомъ играть должно.

Всякой знаетъ до его выгоды принадлежащiя средства противъ непостоянныхъ и случайныхъ сихъ игоръ.

Но не ужели кто можетъ меня въ оныхъ наставить?...

Такъ подлинно: оставя всѣ шутки, учатся играмъ непостояннымъ, которые вы не кстатѣ называете игрою случайною Ибо нѣтъ ничего случайнаго въ свѣтѣ: но все было, и будетъ имѣть не раздѣльную связь, которой не можно иначе узнать, какъ чрезъ правила науки, которой началы толь трудны и толь высоки, что никто не можетъ оныхъ понять безъ путеводительства знающаго оныя; да и то должно вѣдать, сколько въ оныхъ нужно упражняться.

О сей я наукѣ неиначе вамъ могу дать понятїе, какъ чрезъ воображенїе. Связь вещей, составляющая весь мїръ, управляетъ всѣмъ тѣмъ, что мы называемъ случайными приключенїями и не минуемымъ рокомъ, понуждая чрезъ невидимыхъ вѣсоносцевъ всему стремиться по оси установленной отъ природы, начиная со

всего находящагося въ дальныхъ отъ насъ тѣлахъ, даже до достойной сожалѣнія фортуны, лишившей теперь васъ всѣхъ денегъ, которыя вы имѣли.

Сіе возбужденіе къ сей наукѣ, исходящее изъ устъ почти младенческихъ, сіе предложеніе безразсудное, состоящее въ томъ, чтобъ ко мнѣ приставить учителя, разлили по моимъ членамъ нѣсколько изъ того холоднаго поту, какимъ я былъ объятъ подъ развалинами Портиса. Я усмотрѣлъ послѣ сего Віойдетту, устремившую взоръ свой въ землю, которой я сказалъ, что я не имѣю нужды въ учителѣ; да притомъ же я и опасаюсь оной наукѣ много учиться. Но вы можете на сіе сами согласиться, что благородной человѣкъ можетъ знать нѣчто превосходнѣе игры; а хотя и играть, но не показывая никогда своей склонности, не раскрывая сердца и пристрастія.

Послѣ чего я согласился учиться оной наукѣ, и дошелъ до такого превосходства, что и самой философической камень въ моей былъ власти. Наконецъ въ одно время Гишпанскаго Короля дочь публиковала, чтобъ прїѣзжали всѣ юноши въ Гишпанїю за честь ея биться, съ тѣмъ условїемъ, ежели кто, за честь ея сражаясь, всѣхъ побѣдитъ, тому она отдается въ супружество.

Альваръ, слыша, что Гишпанская Королевна, какъ красотою такъ и разумомъ всѣхъ Царскихъ дочерей превосходитъ, поѣхалъ въ Гишпанїю за честь ея биться съ своими соперниками; ибо онъ былъ искусенъ въ сей наукѣ. И такъ когда Аврора подняла златотканную завѣсу, и розой червленныя небеса покрыла, тогда онъ отправился въ Гишпанїю, и прїѣхалъ туда въ самой назначенной день для битвы. Тамъ собрались многїе юноши, вмѣстѣ же съ ними пришелъ и Альваръ на назначенное и при-

готовленное мѣсто, куда собралось множество народа. Въ то время одинъ юноша многихъ уже сильною рукою поразилъ, и такой на нихъ навелъ страхъ, что никто не осмѣливался съ нимъ болѣе вступать въ сраженіе.

Наконецъ, сіе видя Альваръ, вышелъ сражаться, чему народъ весьма удивился, а его соперникъ началъ смѣяться, и ругаться, говоря: сіе мнѣ столь мало, какъ орлу голубь. Однако, сказалъ Альваръ, мы сюда пришли не разговаривать и не браниться, но сражаться. И такъ соперникъ Альваровъ ударилъ его довольно сильно, но онъ только пошатнулся. Потомъ Альваръ, осердясь, по самой эфесъ вонзилъ въ грудь его шпагу; чему удивившись, всѣ восплескали руками, и какъ славному побѣдителю приписали многія похвалы, и увѣнчали лаврами.

Послѣ чего Альваръ возвратился домой, и лишь только что заснулъ,

то видитЪ идущую кЪ нему женщину, одѣянную вЪ златотканную одежду, за которой слѣдовало множество дѣвицЪ. Она, подошедЪ кЪ нему, и оборотясь кЪ дѣвицамЪ, сказала: сей есть мой возлюбленный юноша, которой за честь здѣшняго Короля дочери сражался, и она бы досталась одному скверному юношѣ и уроду; но его сильною рукою избавлена. ПотомЪ, оборотясь кЪ нему, сказала: я тебѣ буду всегда вспомоществовать, любезной мой АльварЪ! но ты сїю Королевну получишь, великїе перенесши труды.

Я на другой день сдѣлалЪ балЪ, и поѣхалЪ на оной просить Короля, его супругу, дочь и нѣкоторыхЪ министровЪ, отЪ чего Король не отрекся; и я ихЪ принялЪ сЪ великою помпою. Начался обѣденной столЪ, и Царская дочь сидѣла противЪ меня.

ВЪ то самое время КупидонЪ, видя вЪ ней возгарающуюся страсть,

взмахнулъ крыльями, и вдругъ поднявшись, пустилъ изощренную стрѣлу въ Пульхру (такъ называли Царскую дочь) Она летитъ, ни что не можетъ ее удержать, и вдругъ пронзила грудь и сердце Принцессино. Пораженная Принцесса наиболѣе воспылала ко мнѣ любовїю.

Послѣ обѣденнаго стола началась музыка: Альваръ пошелъ танцовать съ Принцессою, и искусству его въ танцахъ всѣ удивились, и весьма похваляли; ибо онъ превосходно танцовалъ. Во время танцованїя она любовь свою ему изъявляла минами, но онъ ничѣмъ не отвѣтствовалъ, чтобъ въ ней возжечь болѣе страсть. И такъ она, задумавшись, сидѣла очень долго, ибо ея сердце сгорало отъ любви, и не зная, что онъ сїе дѣлаетъ для того, чтобъ болѣе воспламенить ея сердце, думала, что онъ, возжегши сильную страсть, не хочетъ оную вмѣстѣ съ нею раздѣлить.

Вѣ сихѣ мысляхѣ пребывая, прежде своего родителя поѣхала домой, куда пріѣхавши, весь вечерѣ и ночь пребывала въ тоскѣ, печали и соболѣзнованіи. Она ощущала въ своемѣ сердцѣ движенія, коими была волнуема, но сіи движенія ни что иное были, какѣ скорыя выраженія ихѣ любви.

Она всечасно воздыхала, и не зная средствѣ кѣ свиданію, заснула, и увидѣла себя находящуюся на мѣстѣ, искусно и премудро натурою устроенномѣ, и лежащемѣ при кристалловидномѣ источникѣ, изѣ котораго билѣ фонтанѣ водою благоуханія. Потомѣ увидѣла идущую кѣ себѣ Венеру, вѣ провожаніи Нимфѣ, одѣянныхѣ вѣ бѣлыя одежды, и имѣющихѣ на головахѣ вѣнки изѣ цвѣтовѣ, искусно сплетенные, которая приближившись кѣ ней, подала ей средства служащія кѣ ея пользѣ.

По полученіи сего она проснулась, и немѣдленно возвратившись вѣ

свою комнату, призвала вѣрнаго министра, и приказывала ему сдѣлать на другой день балъ, и позвать на оной Альвара, что онъ немедленно и исполнилъ.

Пульхра, симъ восхищаясь, изъяснила ему свою страсть, прося притомъ о его къ себѣ вѣрности. Сколь тогда восхищено было ея сердце, когда онъ, равномѣрно старая отъ любви, изъявлялъ ей свою привязанность! Они въ сихъ веселостяхъ препроводили нѣсколько времени, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько нѣжныхъ поцѣлуевъ, растались.

Альваръ по разлукѣ пошелъ въ поле съ однимъ изъ своихъ пріятелей, куда они обыкновенно хаживали, и отошедъ отъ города съ треть мили, сѣли подъ горою прозрачнѣйшаго источника, куда часто въ древнія времена прихаживали Нимфы; гдѣ и заснули.

Альваръ, отъ дальнаго пути истощивши свои силы, заснулъ крѣп-

ко, и увидѣлъ передъ собою женщину, произносящую сіи слова: „Альваръ, ходи ты въ трактиръ для „свиданія съ прекрасною своею Принцессою, находящейся противъ ея „спальни, и играй на арфѣ.„ Выговоря сіе изчезла

Альваръ, чувствуя отъ сего нѣкоторую радость, но смѣшанную съ страхомъ, проснулся, и разбудя своего пріятеля, возвратился домой. Не столь великую радость чувствуетъ побѣдитель, разбивши своего непріятеля, какою онъ тогда восхищался.

Онъ въ тотъ же самой вечеръ пошелъ въ трактиръ, куда ему велѣно было, и сѣлъ у тѣхъ окошекъ, которыя были прямо противъ ея спальни; потомъ, нѣсколько спустя, началъ играть на арфѣ. Сіе услышавъ Принцесса, сѣла подлѣ окошка, и слушала даже до захожденія денницы. Послѣ чего заснувши, увидѣла передъ собою женщину, говоря-

щую сіи слова: „Прекрасна Пуль-
„хра, которой вчера игралъ на ар-
„фѣ, есть твой любезной Альваръ:
„онъ, сгорая отъ любви, и не зная
„средствъ для свиданія съ тобою,
„прибѣгнулъ къ сему.„ Произнесши
сіе изчезла.

Пульхра, выслушавъ сіи слова, проснулась, и сидя непрестанно у окошка, не желала съ родителями своими и кушать, которые, нѣсколько подождавши, послали къ ней камеръ лакея, позвать ее кушать; но получили въ отвѣтъ, что она почиваетъ; то же самое случилось и на другой день. На другой день по наступленіи вечера, Альваръ то же самое учинилъ. Принцесса, внимая его пріятному и плѣняющему смертныхъ пѣнію и игранію, даже до захожденія солнца, ощущала въ себѣ нѣкоторое удавольствіе; а на разсвѣтѣ заснула. Родители ея, увѣдомившись о такомъ новомъ съ нею произшествіи, весьма удивились, и спраши-

вали ее, какая тому причина? На что она имъ ничего не отвѣчала. Тогда одинъ изъ лакѣевъ, желая получить за то награжденіе, разсказалъ онымъ все съ нею приключающееся.

Король, выслушавъ сіе, послалъ 25 человѣкъ гусаровъ съ приказаніемъ, чтобъ его поймали. Сіе услышавъ Принцесса, весьма печалилась; ибо думала, что его изловятъ, и что онъ чрезъ то подвергнется жребію лютѣйшей смерти. И такъ, терзаясь грустію, написала къ нему письмо слѣдующаго содержанія:

ЛЮБЕЗНЫЙ АЛЬВАРЪ!

Я благодарю васъ, что вы равной подвержены участи со мною, но увѣдомляю васъ, чтобы вы для избѣжанія несчастія приняли осторожность. Васъ сего дня караулятъ 25 человѣкъ гусаровъ, опредѣленныхъ отъ моего родите-

ля, дабы васъ поймать. И такъ я, любя сердечно васъ, нахожусь теперь въ тоскѣ и печали, которыхъ вы истребить не иначе можете, какъ чтобъ не ходили болѣе въ оной трактиръ.

Прощай.

Альваръ, получивъ сїе письмо отъ вѣрнаго ея слуги, прочелъ, а потомъ написалъ ей отвѣтъ слѣдующаго содержанїя:

ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Вы не меня должны благодарить, но одну женщину, старающуюся о нашемъ благѣ; а что вы писали, что я вамъ наношу тоску и печаль тѣмъ, что ежели меня поймаютъ, на оное роптать вы не должны, да и не ожидайте того; ибо я могу все оное отерпѣть несчастїе. Я васъ прошу, пожалуйте не опасайтесь ничево.

Впрочемъ есмь, и буду на вѣки вѣрнымъ

АЛЬВАРЪ.

И такъ ввечеру, взявъ Альваръ и Віойдетта по саблѣ, пошли въ трактиръ. Альваръ началъ играть, а Принцесса, отворивъ свое окно, начала слушать пріятное его пѣніе и игру. Сіе услышавъ гусары, вошли немедленно въ трактиръ, изъ которыхъ одинъ, подошедъ къ Альвару, взялъ его за воротъ, дабы вытащить вонъ. Альваръ, ни говоря ни слова, вынулъ свою саблю, и ударилъ его ефесомъ столь сильно, что пробилъ ему грудь. Сіе видя его товарищи, бросились на него единодушно; но онъ, обороняясь отъ нихъ храбро, всѣхъ повергъ передъ своими ногами; послѣ чего возвратился домой.

О семъ на другой день увѣдомившись Король, призвалъ свою дочь, и спрашивалъ, не знаетъ ли она того

человѣка? На что она съ клятвою отвѣтствовала, что совсѣмъ онаго не знаетъ. Король, на сїе весьма досадуя, послалъ 150 человѣкъ, которые были таковой же подвержены участи, каковой и прежнїе Гусары.

Король удивился, слыша такое приключенїе, наконецъ послалъ еще болѣе, которые также были побиты. Но Альваръ, видя, что его опасность должна увеличиться, разсудилъ прибѣгнуть къ кабалистикѣ.

Онъ, упражняясь въ сей наукѣ нѣсколько времени, достигъ до такого совершенства, что и самой философической камень находился уже въ его власти. Онъ видя оной въ своихъ рукахъ, обернулъ къ Сѣверозападной сторонѣ, и усмотрѣлъ, что къ достиженїю его благополучїя есть средство прибѣгнуть къ Султану. Онъ немедленно вступилъ въ путь, и прибывши въ скоромъ времени въ

Турцію, просилъ у Султана войскѣ для вступленія съ Гишпанскимъ Королемъ въ сраженіе.

Султанъ великій, видя его геройство, храбрость и мужество, удивился; почему, набравши войска 40 тысячь человѣкъ, объявилъ Альвара главнокомандующимъ надъ онымъ полководцемъ.

Сей видя въ своей власти мужественныхъ солдатъ, объявилъ Гишпанскому Королю войну; и на первомъ сраженіи былъ онымъ разбитъ, на второмъ и послѣднемъ столь храбро сразился, что не только все его войско разбилъ, но и самаго Короля, взявъ въ полонъ, посадилъ въ башню и приказалъ оковать. На другой день приказалъ его выпустить, и взявъ его въ свой покой, и ставъ передъ нимъ на колѣни, началъ говорить слѣдующее: Ваше Величество! я не достойный вашего прощенія, за сіе

освобожденіе не прошу ничего въ награжденіе, какъ только въ супружество вашу дочь; на что Король охотно согласился.

Альваръ, ни мало не медля, отправился съ своими войсками въ Королевство Гишпанское, гдѣ получа въ супржество Гишпанскаго Короля дочь Пульхру, въ скоромъ времени принялъ титулъ Короля Гишпанскаго.

СКАЗКА

О

СТАРЧИКАХЪ КЕЛЕЙЧИКАХЪ.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи А. Рѣшетникова.
1794.

ПЕЧАТАНО

Съ Указнаго дозволенія.

СКАЗКА
О
Старчикахъ Келейчикахъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ, у котораго была одна только дочь, собою весьма прекрасна; имя же ей было Ольга. По нѣкоемъ времени умерла у купца жена, и дочь его осталась сиротою. Купецъ, будучи еще въ совершенныхъ лѣтахъ, вознамѣрился жениться на другой женѣ, отъ которой также родилась другая дочь. Мачиха ненавидѣла свою падчерицу, а горячо любила свою дочь. Къ несчастїю прекрасной Ольги умеръ и ея отецъ; почему мачиха наипаче начала гнать свою падчерицу. Между тѣмъ Старчики Келейчики хаживали изъ другаго Королевства въ домъ ихъ

просить милостыни, и подойдя къ окну говорили: матушка Ольга прекрасная, сотвори намъ свою милостинку. Мачиха же ея сидя у окна говорила: я хороша, я пригожа, я вамъ подамъ милостыню. Но Старчики Келейчики отвѣчали ей: хотя ты хороша и пригожа, однако же Ольга прекрасная гораздо лучше тебя. Мачиха, разсердясь за сїе на свою падчерицу, приказала ее посадить въ холодный погребъ на двое сутокъ, по прошествїи коего времяни велѣла изтопить баню жарко на жарко и ввела ее въ оную, гдѣ давъ ей выпить соннаго порошку, велѣла вывести ее въ чисто поле, и вынуть изъ нее сердце и отрубить мизинецъ. Слуга, получа такое приказанїе отъ своей госпожи, вывезъ Ольгу прекрасную въ чисто поле, и такъ плакалъ надъ нею, сожалѣя, что она безвинно страждетъ, что всю ея сорочку смочилъ горючими слезами. Отъ сего Ольга прекрасная проснулась, и глядя на слугу спрашивала:

о чемъ ты плачешъ? Какъ мнѣ не плакать, матушка Ольга прекрасная! Мачиха твоя велѣла мнѣ тебя вывезя въ чистое поле вынуть изъ тебя сердце и отрубить мизинецъ. Дѣлай что тебѣ приказано, говорила Ольга прекрасная, я ни мало не противлюсь. Какъ могу я къ сему преступить, продолжалъ слуга, у меня руки не поднимаются; и я соглашуся лучше претерпѣть какое жестокое наказанїе отъ вашей мачихи, нежели васъ умертвить. Ольга, будучи симъ чувствительно тронута, пришедъ въ нѣкоторое отчаянїе, взяла ножъ, и отрѣзала себѣ сама мизинецъ, которой и отдала слугѣ. Онъ весьма удивился великодушїю молодой дѣвицы, и вознамѣрился ее оставить живою; схватилъ мимо бѣтущую тогда собаку, и разорвавъ ее, вынулъ у ней сердце. Потомъ съ крайнимъ соболѣзнованїемъ Ольгу оставилъ въ полѣ, а съ собачьимъ сердцемъ и мизинцемъ Ольги пое-

халъ къ своей госпожѣ, которой по пріѣздѣ своемъ все вручилъ. Мачиха, получа сердце и мизинецъ, говорила слугѣ, что такъ очень мало сердце, и не похоже на человѣческое. Онъ отвѣчалъ, что точно такое вынулъ изъ Ольги прекрасной. Она сему не повѣрила, и жестоко его наказала.

Между тѣмъ Ольга пошла прямо по чисту полю, не зная сама, куда идетъ. Наконецъ пришла къ одному великолѣпному дому, стоящему въ срединѣ лѣса, и взошедъ въ оной, видитъ, что никого нѣтъ: а все по покоямъ разметано. Она тотчасъ все убрала, и каждую вещь положила на свое мѣсто; послѣ чего сѣла за печку, опасаясь, что не воры ли живутъ въ семъ домѣ. По семъ сего вскорѣ пріѣхали хозяева сего дома, которые были охотники, и вошедъ въ покой, большей братъ сказалъ: братцы! никакъ безъ насъ здѣсь были воры? Напрасно ты, братецъ, говоришь, подхватилъ середній братъ; но знать былъ какой ни-

будь доброй человѣкъ, потому что все убрано, и къ мѣсту положено. Меньшой же, выслушавъ сїе, говорилъ: естьли ты здѣсь, доброй человѣкъ, то выйди къ намъ; и когда ты старикъ, то будь намъ дѣдушка, естьли молодой, будь намъ братъ; когда старушка, то будь намъ бабушка, а когда молодая, то сестрица. Ольга, услышавъ, размышляла съ собою, выттили ей къ нимъ, или не выходить; наконецъ рѣшилась показаться имъ. И какъ скоро вышла къ нимъ изъ запечки, то они, увидя ее, весьма обрадовались; и чтобы она не занималась черною работою, наняли ей служанку, а сами по прежнему ходили на охоту. Въ одинъ день Ольга прекрасная сидѣла подъ окномъ, и видитъ она, что подходили къ окну Старчики Келейчики, которые просили милостыни: Матушка, Ольга прекрасная! сотвори намъ свою милостыню. Она имъ не отказала, и спрашивала, живали ее мачиха? Жива, отвѣчали Келейчи-

ки. Почему просила ихъ Ольга прекрасная, чтобъ они къ ней снесли отъ нее гостинецъ сладкой пирогъ. Старчики Келейчики обѣщались сіе исполнить, и взявши пирогъ тотчасъ полетѣли къ ея мачихѣ. Пришедъ въ ея домъ, стали просить милостыню, въ чемъ мачиха имъ отказала. Они между тѣмъ сказали ей: матушка, сударыня! изволь хотя выглянуть въ окошко. Мачиха Ольги прекрасной выглянула, и они ей, подавая пирогъ, говорили: вотъ, сударыня! ваша дочка прислала вамъ гостинецъ. Очень хорошо, говорила мачиха, благодарите отъ меня мою милую дочь, и отнесите ей отъ меня сорочку изнизанную жемчугомъ. Старчики Келейчики, взявъ сорочку, помчались съ нею къ Ольгѣ прекрасной, которой, принеся отъ мачихи поклонъ, отдали подарокъ. Ольга прекрасная съ великимъ удовольствіемъ приняла оную, Старчиковъ же Келейчиковъ

накормила и напоила, и отпустя ихъ, дала имъ на дорогу денегъ.

Проводя Старчиковъ Келейчиковъ, пошла Ольга прекрасная въ бесѣдку, и надѣвъ на себя сорочку, вдругъ обмерла. Служанка долгое время ожидала своей хозяйки, наконецъ вздумала ее вездѣ искать, и пришедъ въ бесѣдку, увидя Ольгу прекрасную мертвою, начала плакать, и лишь только дотронулась сорочки, то также обмерла. Названые братья Ольги, пріѣхавъ съ охоты, видя, что никого нѣтъ въ покояхъ, туда и сюда ходили искать. Взошедъ въ бесѣдку, и увидя сестру свою и служанку мертвыхъ, не утѣшно плакали. Напослѣдокъ заказали сдѣлать хрустальную гробницу, и среди двора врывъ четыре столба мраморные, на оные поставили гробницу съ тѣломъ сестры своей; и лишь дотронулись и они до сорочки, то сдѣлались и сами мертвыми.

Спустя нѣсколько времени случилось мимо сего монумента ѣхать

шого государства Королевскому сыну, которой дятькѣ своему велѣлъ извѣститься, что это такое? Дядька, взошедъ на дворъ, не видитъ никого; напослѣдокъ, подошедъ къ столбамъ, увидѣлъ, что всѣ жертвы, и въ гробницѣ лежитъ прекрасная дѣвица. Дядька, возвратясь, увѣдомилъ о всемъ Королевича, которой съ нетерпѣливостїю приказалъ снять гробницу со столбовъ, и поставя на дроги, нарочно къ тому изготовленные, привезъ оную съ собою во дворецъ, и въ своей особливой комнатѣ поставилъ, въ которую ходилъ всекое утро, и плакалъ довольно сожалѣя о томъ, что такой цвѣтъ красоты заблекъ рано. Какъ же скоро выходилъ изъ комнаты своей, то оную запиралъ, и ключь отъ оной, не ввѣряя никому, бралъ съ собою.

Мать Королевича начала примѣчать, что сынъ ея находится долгое время въ великой задумчивости, и удаляется всѣхъ забавъ и увеселенїй, къ которымъ прежде сего

былъ пристрастенъ. Въ одинъ день, какъ Королевичь сошелъ со двора, мать его, подобравъ ключь къ его комнатѣ, и взошедши въ оную, увидѣла хрустальную гробницу, подошла къ ней, и усмотрѣла дѣвицу, лежащую отмѣнной красоты. Жемчугомъ унизанная сорочка прельстила глаза матери Королевской, и она рсзсуждала сама съ собою, что лучше оную съ мертвой снять, и надѣть на нее изъ самаго лучшаго полотна. И лишь только она сняла сорочку съ Ольги прекрасной, то сїя вспрянувъ сказала: ахъ! сколь долго я спала. Послѣ чего встала изъ гробницы, видитъ незнакомыхъ людей, спрашивала, гдѣ она находится? Мать Королевичева отвѣчала ей, что она въ Азельскомъ дворцѣ, и взявъ ее за руку, разспрашивала, отъ чего это ей приключилось? Ольга прекрасная разсказала ей все; что выслушавъ Королева, приказала сорочку сжечь въ ту же самую минуту посреди чистаго поля.

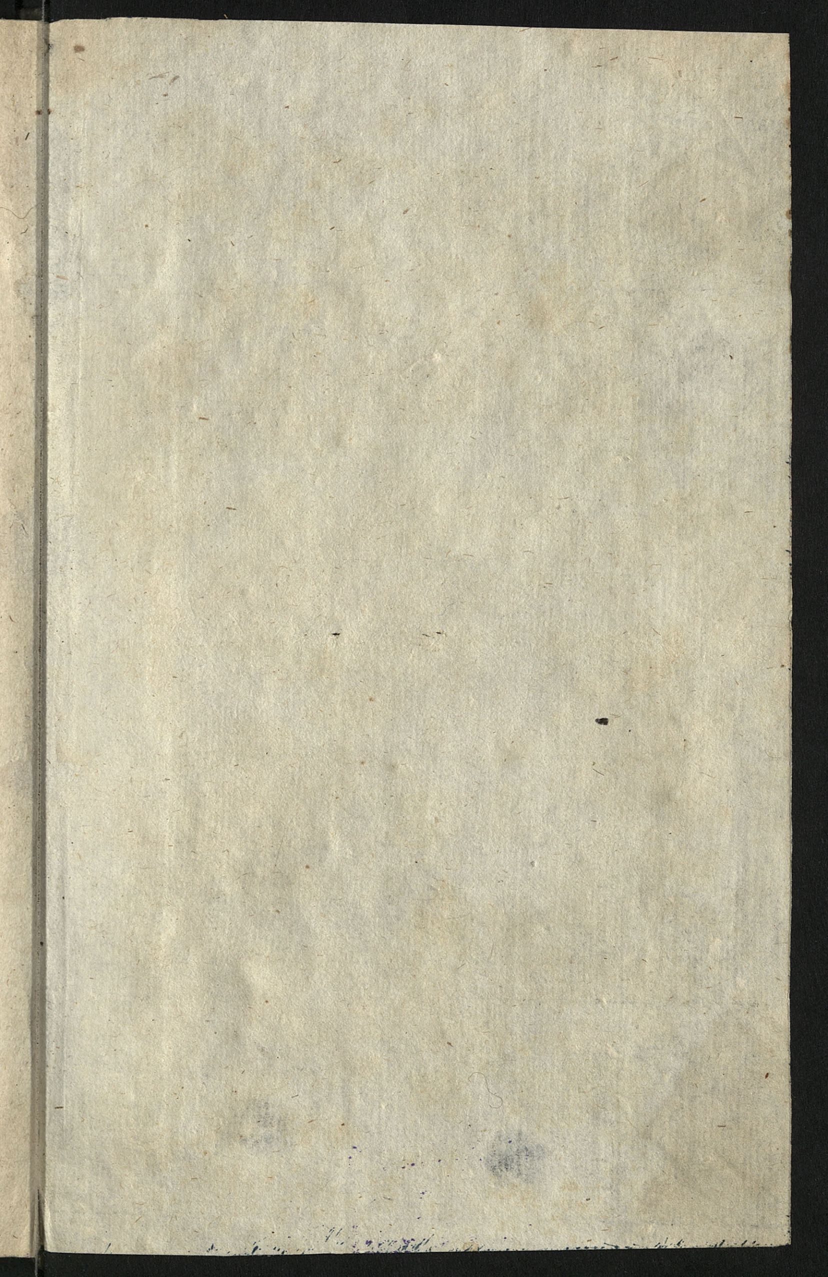
Между тѣмъ Королевичь возвратился во дворецъ, и взошедъ въ свою комнату, увидя, что въ гробницѣ нѣтъ дѣвицы, началъ плакать. Мать, услыша сїе, взошла къ нему, и спрашивала, о чемъ онъ плачетъ? Какъ мнѣ не плакать, государыня моя матушка! отвѣчалъ Королевичь, здѣсь въ гробницѣ лежала дѣвица, а теперь ее нѣтъ. Королева взяла его за руку, и ничего не говоря, повела въ свой покой, въ который лишь только вошелъ Королевичь, и увидя дѣвицу живую, весьма обрадовался, и въ тужъ самую минуту просилъ онъ у матери своей позволенїя на ней жениться. Королева ни мало сему не воспрепятствовала. Вскорѣ потомъ совершено было бракосочетанїе. И такъ Королевичь съ Ольгою прекрасною начали жить во всякомъ благополучїи.

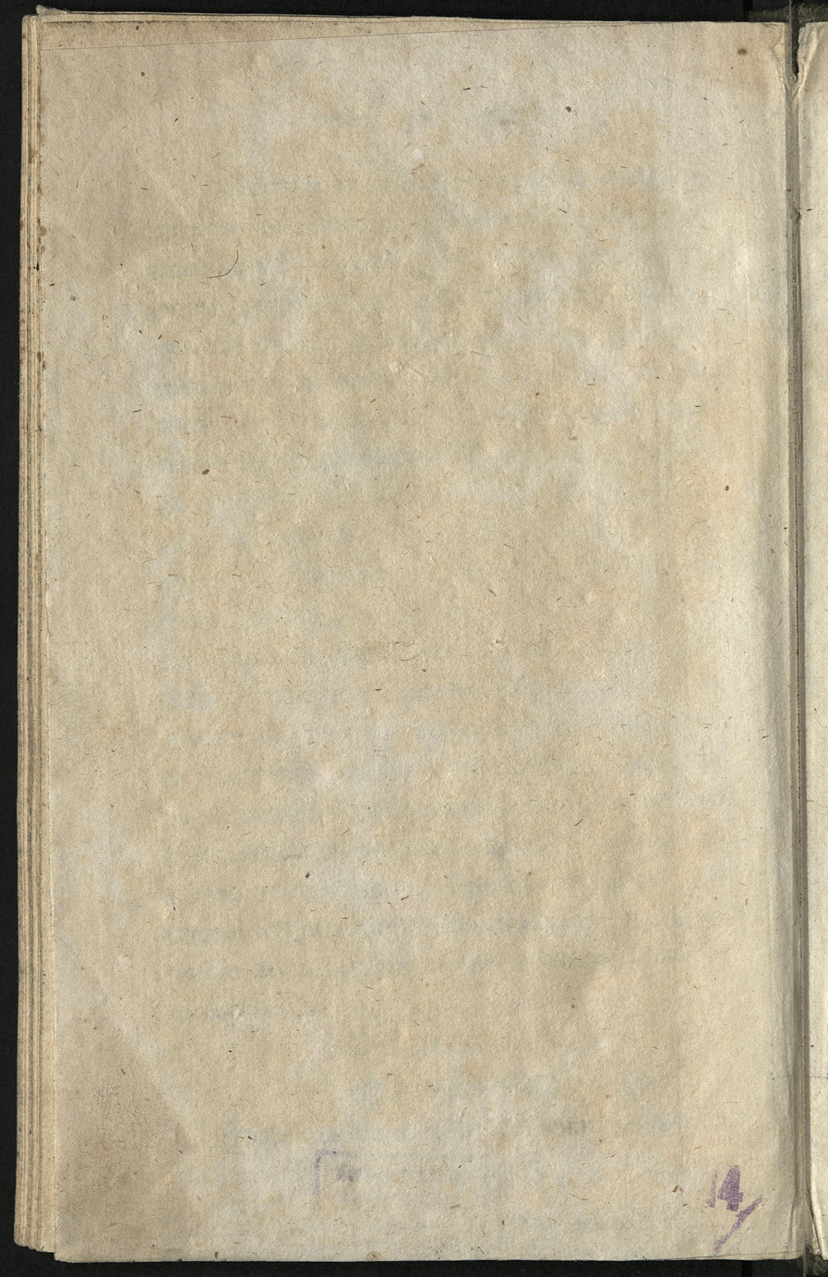
КОНЕЦЪ.

Цѣна повѣсти и сей сказки 50 коп.

Ме
тился
комнат
нѣтъ д
услыша
шивала
мнѣ н
матуш
въ гроб
перь ее
руку,
свой п
ко вош
вицу ж
въ туж
у мат
женит
воспре
соверш
такъ
сною к
получ

Цѣн

14